

УДК 821.161.1;821.581.09
<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-209-224>
Оригинальная научная статья

Рецепция русской лагерной прозы в современном китайском литературоведении

Чжан Синьвэй

Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика
✉ 296210454@qq.com

Аннотация

В статье анализируется рецепция русской лагерной прозы в современном китайском литературоведении на материале исследований, посвященных А. И. Солженицыну, В. Т. Шаламову и С. Д. Довлатову. Актуальность исследования обусловлена тем, что при более чем сорокалетней истории обращения китайской академической среды к русской лагерной теме степень изученности этих авторов остается крайне неравномерной, а сопоставительное осмысление трех линий рецепции до сих пор не получило достаточного обобщения. Цель работы состоит в выявлении основных закономерностей китайской рецепции русской лагерной прозы, определении различий в степени научного освоения названных писателей и установлении факторов, обуславливающих масштаб и характер этого процесса. Материалом исследования послужили диссертации, статьи в рецензируемых журналах и переводные издания, доступные в китайских научных базах данных. В статье используются историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, рецептивный и библиографико-описательный методы. Установлено, что Солженицын располагает наиболее устойчивой исследовательской традицией в Китае, тогда как исследования творчества Шаламова и Довлатова по-прежнему немногочисленны и не образуют сопоставимой по масштабу академической традиции. Показано, что различия касаются не только количества исследований, но и характера исследовательских подходов: если в случае Солженицына долгое время доминировала социально-историческая, религиозная и антропологическая проблематика, то в работах о Шаламове акцентируются прежде всего гуманистические аспекты его прозы, а внимание к Довлатову сосредоточено на маргинальности, иронии, смешении жанров и постмодернистской поэтике. В результате делается вывод о том, что переводческая доступность текста является одним из ключевых условий включения автора в китайский академический оборот и во многом определяет интенсивность его последующего научного изучения. Одновременно устанавливается, что китайское изучение русской лагерной прозы за последние десятилетия прошло путь от преимущественно социально-политического интереса к более сложным и филологически тонким формам анализа. Намечаются перспективы дальнейших исследований, связанные с более глубоким освоением нарративной поэтики «Колымских рассказов», систематическим сравнительным изучением трех писателей, развитием диалога с зарубежной славистикой и расширением переводческой базы за счёт включения ключевых довлатовских текстов, прежде всего «Зоны», в китайский литературный и исследовательский контекст.

Ключевые слова: русская лагерная проза, литературная критика, А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов, С. Д. Довлатов, литературоведение Китая, китайская русистика, сравнительное изучение, исследовательская традиция, история перевода

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Чжан Синьвэй. Рецепция русской лагерной прозы в современном китайском литературоведении. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):209–224. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-209-224>

Original article

The reception of Russian camp prose in contemporary Chinese literary studies

Zhang Xinwei

Heilongjiang University, Harbin, the People's Republic of China

✉ 296210454@qq.com

Abstract

The article analyzes the reception of Russian camp prose in contemporary Chinese literary studies through the example of A.I. Solzhenitsyn, V.T. Shalamov, and S.D. Dovlatov. The relevance of the study lies in the fact that, despite more than forty years of attention to the Russian camp theme in Chinese academia, the degree to which these authors have been studied remains highly uneven, while a comparative understanding of the three lines of reception has not yet been sufficiently generalized. The purpose of the article is to identify the main patterns underlying the Chinese reception of Russian camp prose, to determine the differences in the degree of scholarly engagement with these writers, and to establish the factors shaping the scale and character of this process. The research material includes dissertations, peer-reviewed journal articles, and translated editions available in Chinese academic databases. The study employs historical-literary, comparative, reception-oriented, and bibliographical-descriptive methods. It is established that Solzhenitsyn has the most stable research tradition in China, whereas studies on Shalamov and Dovlatov remain relatively limited and have not developed into an academic tradition comparable in scale to that of Solzhenitsyn. The article shows that these differences concern not only the number of studies but also the nature of the research approaches applied to them: Solzhenitsyn has long been examined predominantly from socio-historical, religious, and anthropological perspectives; studies on Shalamov emphasize above all the humanistic dimension of his prose; attention to Dovlatov, in turn, is focused on marginality, irony, genre hybridity, and postmodern poetics. As a result, the article concludes that the translational accessibility of a text is one of the key conditions for an author's inclusion in Chinese academic discourse and largely determines the intensity of subsequent scholarly research. At the same time, it establishes that over recent decades Chinese scholarship on Russian camp prose has moved from predominantly socio-political interest toward more complex and philologically nuanced forms of analysis. Further research may develop along several lines: a deeper study of the narrative poetics of *Kolyma Stories*, a systematic comparative analysis of the three writers, a stronger dialogue with international Slavic studies, and a further expansion of the translation base through the introduction of key Dovlatov texts, especially *The Zone*, into the Chinese literary and scholarly context.

Keywords: Russian camp prose, literary criticism, A.I. Solzhenitsyn, V.T. Shalamov, S.D. Dovlatov, Chinese literary studies, Chinese Russian studies, comparative study, research tradition, history of translations

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Zhang Xinwei. The reception of Russian camp prose in contemporary Chinese literary studies. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):209–224. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-209-224>

Введение

В истории мировой литературы XX века русская лагерная проза занимает особое место, поскольку представляет собой одну из наиболее последовательных

Таблица

Распределение привлеченных в статье исследований
по писателям и типам публикаций

Table

Distribution of the studies included in the article by writers and publication types

Писатель	Статьи	Диссертации	Итого
А. И. Солженицын	12	7	19
В. Т. Шаламов	2	1	3
С. Д. Довлатов	2	1	3
Сопоставительные исследования (Солженицын / Шаламов)	0	1	1

и художественно значимых попыток осмысления экстремального опыта массового насилия. Как справедливо отмечает Чэн Дяньмэй, «тюрьма, ссылка и каторга являются имманентными характеристиками русской национальной жизни, а литература на эту тему составляет важную часть русской литературы XX века» [1, с. 81]. В китайском академическом дискурсе обращение к русской лагерной прозе имеет уже более чем сорокалетнюю историю, однако интенсивность исследовательского интереса здесь распределялась крайне неравномерно. Если творчество Солженицына в Китае сформировало сравнительно устойчивую исследовательскую традицию, то Шаламов начал привлекать систематическое внимание лишь в начале XXI века, а Довлатов до сих пор остается значительно менее освоенным (табл.). Именно эта диспропорция и определяет актуальность настоящего исследования, поскольку без ее анализа трудно понять как специфику китайской рецепции русской лагерной прозы, так и механизмы вхождения произведений иностранного автора в иной культурный и научный контекст.

В китайском литературоведении уже сформировался определенный корпус работ, посвященных русской лагерной прозе, однако он распределен между отдельными авторами крайне неравномерно. В случае с Солженицыным исследовательская традиция представлена как ранними переводно-реферативными публикациями, так и последующими статьями и диссертациями С. F. Elliott [2], Чжоу Чжэньмэй [3], Ли Чуаньцзина [4, 5], Чжан Дундун [6], Ли Пэна [7], Ли Шаоцин [8], Цзян Вэй [9], Лун Юйчэна [10], Чжоу Юньфан [11], Лю Лэ [12], Гао Линьцзе [13], Лю Чжунфан [14], Жэнь Лися [15], Чэ Лу [16], Ши Хуэй [17], Фу Синхуаня и Чэнь Шицзэ [18], Лю Вэньфэя [19], Хоу Сюэвэй [20]. Исследования Шаламова представлены значительно скромнее и в основном связаны с работами У Цзяю [21, 22], Ли Линъюнь [23] и Ван Цзы [24]. Что касается Довлатова, то здесь основное место занимают статьи и диссертация Чэн Дяньмэй [1, 27, 28]. Таким образом, уже на уровне существующей исследовательской базы можно видеть заметную асимметрию в изучении трех авторов.

Объектом настоящего исследования выступает китайское литературоведческое восприятие русской лагерной прозы, тогда как предметом являются конкретные формы и направления научного освоения творчества А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова и С. Д. Довлатова в китайских диссертациях, статьях и переводческих публикациях. Такое уточнение необходимо, поскольку речь идет не о

лагерной прозе как таковой, а именно о способах ее интерпретации и научного описания в современной китайской гуманитарной среде.

Цель работы состоит в том, чтобы проследить, каким образом в современном китайском литературоведении складываются три линии рецепции указанных авторов, выявить различия в степени их изученности и определить факторы, влияющие на масштаб и характер этого процесса. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько взаимосвязанных задач: охарактеризовать место каждого из трех писателей в китайском академическом восприятии; проследить историю переводов их произведений на китайский язык; выявить основные направления исследований, посвященных этим авторам; сопоставить масштабы и способы их научного освоения; определить общие закономерности китайской рецепции русской лагерной прозы и наметить перспективы ее дальнейшего изучения.

Научная новизна работы заключается в том, что три линии китайской рецепции – солженицынская, шаламовская и довлатовская – рассматриваются в единой сравнительной перспективе. Такой подход позволяет увидеть не только различия между ними, но и общие механизмы культурного и академического освоения лагерной темы в Китае. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении представлений о специфике межкультурной рецепции русской литературы в Китае и о логике перехода от преимущественно историко-идеологического восприятия лагерной прозы к более текстоцентричным и поэтологическим подходам. Практическая значимость статьи связана с возможностью использования ее выводов в дальнейших работах по истории русско-китайских литературных связей, сравнительному литературоведению, переводоведению и истории изучения русской литературы в Китае.

Методологическую основу исследования составляют историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, рецептивный и библиографико-описательный методы. Их сочетание позволяет, с одной стороны, проследить историю перевода и изучения текстов, а с другой – выявить особенности их интерпретации в китайском литературоведении и установить соотношение между переводческой доступностью произведений и интенсивностью их научного освоения. Такая постановка вопроса позволяет перейти к последовательному рассмотрению каждого из трех авторов, уделив внимание их месту как в русской, так и в китайской литературной традиции, истории переводов их произведений на китайский язык и конкретным формам их академического освоения.

Рецепция лагерной прозы А. И. Солженицына в китайском литературоведении

Солженицын по праву считается основоположником и главным летописцем лагерной темы. Его «Архипелаг ГУЛАГ», создававшийся на протяжении десятилетий, стал не только литературным, но и историческим документом, оказавшим значительное влияние на осмысление сталинской эпохи во всем мире. В китайском литературоведении Солженицын также занял особое место: его имя стало символом не только лагерной прозы, но и одной из ключевых фигур русской литературы XX века в целом. Исследователи неизменно подчеркивают, что именно с публикации его произведений в Китае началось серьезное знакомство с советской лагерной темой, а сам писатель на долгие годы оставался для китайского читателя главным голосом ГУЛАГа.

История переводов Солженицына в Китае развивалась значительно раньше и интенсивнее, чем в случае двух других авторов. Уже в 1962 г., вскоре после публикации повести «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир», китайские переводчики приступили к работе над текстом. В ноябре того же года

перевод, выполненный Цао Сулин, Чэн Дайси, Ван Цзясяном и Чэнь Сяоманем, был завершен и опубликован под коллективным псевдонимом «Сыжэнь» (斯人). С 80-го года прошлого века на китайский язык были переведены роман «Раковый корпус» и другие произведения. В 2006 г. впервые вышел в свет перевод произведения «Архипелаг ГУЛАГ», выполненный Тянь Давей и Чэнь Ханьчжаном, и в 2015 г. был переиздан. Появление и распространение перевода этого произведения имело особое значение для последующих академических исследований литературы Солженицына, посвященной лагерям. Именно широкое представление и систематическое распространение произведений Солженицына заложили прочную академическую основу для формирования стабильной и систематической исследовательской традиции в Китае.

Что касается собственно научного освоения наследия писателя, китайские исследования его творчества демонстрируют значительное разнообразие методологических подходов. Уже в 1980-е гг. философские основания его творчества привлекли особое внимание китайских исследователей. Ярким примером тому служит перевод статьи американского ученого С. F. Elliott «Солженицын о современном человеке и свободе», опубликованный в 1985 г. в журнале «当代外国哲学与社会科学文摘» («Реферативные материалы по современной зарубежной философии и социальным наукам»). В раннем китайском восприятии творчества Солженицына особое значение придавалось духовному содержанию его концепции человека. Как отмечает Эллиотт: «Солженицын не отрицает, что человек XX века подвергается давлению внешнего террора, однако кризис современного человека он видит прежде всего как духовный кризис» [2, с. 41].

В работах 2005–2009 гг. китайские исследователи начинают рассматривать Солженицына не только как автора лагерного свидетельства, но и как писателя, ставящего вопрос о внутреннем достоинстве человека, о национальном характере и о нравственном содержании повседневного существования. Чжоу Чжэньмэй, анализируя повесть «Один день Ивана Денисовича», отмечает, что в ней выражены «глубокое размышление писателя о жизни и нравственный поиск» [3, с. 74], а далее еще точнее определяет ее как «утверждение несокрушимого человеческого достоинства и критику всех попыток разрушить это достоинство» [3, с. 77]. В такой постановке вопроса лагерный текст оказывается связан не только с исторической правдой, но и с проблемой человеческой стойкости.

В близком направлении движется и Ли Чуаньцин. В статье о крестьянском образе в творчестве Солженицына он подчеркивает, что «писатель сознательно делает простого крестьянина центральной фигурой повествования, поскольку видит в нем носителя простого нравственного духа и сущности нации, определяющей судьбу государства» [4, с. 40]. Несколькими годами позже тот же исследователь уже прямо выводит повесть за пределы политизированного чтения и утверждает, что она раскрывает «вечную тему надклассового уровня: вопрошание о падении морали и человеческой природы, призыв к возвращению высшей доброй природы человека» [5, с. 291]. Тем самым в китайском литературоведении «Один день Ивана Денисовича» начинает осмысляться как текст, в котором через частную судьбу проверяется сама возможность человеческого достоинства.

Существенным шагом к более филологическому прочтению стала статья Чжан Дундун о времени в «Одном дне Ивана Денисовича». Исследователь замечает, что в этой повести время «становится искусственно заданной “процедурой” и тем самым приобретает политико-экономический смысл функционирования власти» [6, с. 249], но вместе с тем сохраняет и другую сторону, поскольку «временная концепция несет в себе глубинную нравственно-психологическую окраску» [6, с. 250]. Иначе говоря, лагерный день здесь построен

так, что внешняя дисциплинарная расчлененность времени не уничтожает внутреннего времени памяти, ожидания и душевного усилия.

Иной, но не менее показательный ракурс представлен в диссертации Ли Пэна, где внимание переносится с внутренней организации отдельного текста на более широкую проблему человечности в лагерной прозе Солженицына. Исследователь подчеркивает, что художественный мир писателя не сводится к разоблачению зла: «зло, быть может, всегда наступает яростно, но добро и красота все же никогда не склоняют головы и всегда стойко и упорно удерживают направление исторического развития» [7, с. 19]. Если в статье Чжан Дундун в центре анализа находится структура лагерного времени, то у Ли Пэна акцент сделан на нравственном противостоянии добра и зла в экстремальной среде. Благодаря этому уже к концу 2000-х гг. в китайской рецепции Солженицына заметен переход от общего разговора о лагерной теме к анализу достоинства, времени и нравственного строя текста.

С расширением исследовательского поля круг вопросов, привлекающих внимание китайских филологов, стал заметно шире. В 2011 г. была защищена диссертация Ли Шаоцин «Изображение страдания в творчестве А.И. Солженицына», в которой страдание рассматривается не просто как тема, а как принцип организации художественного мира писателя. В итоговой части исследования автор делает следующий вывод: «Солженицынское письмо о страдании именно в своей своеобразной текстовой форме соединяет в себе критику и осмысление мучительного существования при тоталитарном господстве» [8, с. 29]. Этот подход показывает, что китайские исследователи постепенно переходят от тематического описания к более глубокому анализу художественной функции страдания.

Наряду с диссертационными исследованиями важную роль играют и отдельные статьи. Так, Цзян Вэй в статье «Анализ “слабости” героев “лагерной прозы” А.И. Солженицына», опубликованной в журнале «北方文学» («Северная литература») в 2012 г., сознательно смещает внимание с героизации персонажей на их внутреннюю уязвимость. Свой исходный тезис автор формулирует предельно прямо: «Однако мы очень редко замечаем их слабую сторону – или, точнее, их хрупкость» [9, с. 67]. Подобное смещение исследовательского акцента позволяет увидеть в героях Солженицына не абстрактные моральные фигуры, а живых людей, проходящих через страх, истощение и внутренний надлом.

Особого внимания заслуживает и докторская диссертация Лун Юйчэна «Солженицын: исторический контекст и бунтарское письмо в цивилизационном конфликте» (2012), где творчество писателя рассматривается в широком историко-культурном контексте. Исследовательница показывает, что мировоззренческая эволюция Солженицына не была цепью случайных переломов, а определялась его реакцией на деформированные исторические структуры и цивилизационные конфликты. В заключительной части работы этот вывод выражен особенно ясно: «Он постоянно противостоял утратившим равновесие историческим структурам, и все эти структуры складывались в условиях масштабных цивилизационных столкновений» [10, с. 171].

Параллельно с такими исследованиями в китайском литературоведении появляются и более частные подходы к текстам Солженицына. Чжоу Юньфан, подводя итог своим наблюдениям над творчеством писателя, отмечает, что Солженицын признан «писателем, не идущим на компромисс и говорящим правду», и тут же добавляет, что его творчество «с начала и до конца не отрывается от темы России» [11, с. 242]. Такое прочтение еще остается достаточно общим, но оно важно как свидетельство устойчивого интереса китайских исследователей к нравственному самосознанию писателя и к русской тематике как внутреннему стержню его прозы.

В том же 2012 г. появляется и более частное, жанровое прочтение повести «Один день Ивана Денисовича». Лю Лэ предлагает сблизить ее с дневниковым романом и формулирует это предельно прямо: «“Один день Ивана Денисовича” как будто является дневниковым романом, который Солженицын написал за Шухова» [12, с. 42]. Далее исследователь связывает это с жесткой временной последовательностью, вниманием к подробности и с установкой на достоверность. Подобная трактовка, возможно, не бесспорна в жанровом отношении, однако для истории китайской рецепции она показательна: текст Солженицына начинают рассматривать уже не только как документ лагерного опыта, но и как произведение с собственным повествовательным строем.

К середине десятилетия эта тенденция получает дальнейшее развитие. В диссертации Гао Линьцзе образ Шухова осмысляется через проблему национального характера и человечности. Исследователь пишет, что «именно благодаря обычности Шухова он становится особенно представительным, представляя собой тысячи и тысячи самых обыкновенных русских людей» [13, с. 19], и тут же уточняет, что Солженицын «указывает и на положительные стороны русского национального характера, и без прикрытия раскрывает его отрицательные стороны» [13, с. 19]. Здесь лагерный текст включается уже в более широкий разговор о народном характере, а повседневное поведение героя читается как форма проявления национальной психологии в экстремальной среде.

Еще один важный шаг в этом направлении делает Лю Чжунфэн в статье об «Архипелаге ГУЛАГ». Исследовательница показывает, что осмысление добра и зла становится для Солженицына одной из основ его дальнейшей жизни и одновременно важнейшим идейным основанием «Архипелага ГУЛАГ». В этой связи она пишет: «Солженицын писал “Архипелаг ГУЛАГ” под воздействием сильного чувства ответственности и нравственного сознания. Лагерные испытания привели его к полному осознанию того, что возвышение души и невиновность совести и есть конечный смысл» [14, с. 101]. Благодаря такой постановке вопроса «Архипелаг ГУЛАГ» начинает читаться не просто как разоблачительный текст, а как произведение, в котором лагерный опыт переосмыляется в категориях совести, добра и нравственной ответственности.

В 2017 г. Жэнь Лися обращается к пространственно-временной организации «Одного дня Ивана Денисовича», «В круге первом» и «Ракового корпуса». Исследовательница связывает своеобразие этих произведений с предельным сжатием времени и замкнутостью пространства и подчеркивает, что «такая организация имеет двойной эффект: с одной стороны, она ограничивает героя внешне, а с другой – максимально мобилизует его сознательную активность и побуждает к напряженному размышлению» [15, с. 2]. Кроме того, Жэнь Лися также показывает, что даже в условиях предельно сжатого времени и замкнутого пространства солженицынский текст не замыкается в себе: благодаря полифонической организации в текст вводится более широкий мир истории и человеческого опыта. Отдельно исследовательница обращает внимание на заглавия, в которых пространственно-временные обозначения получают особую символическую нагрузку. В заключительной части статьи она также отмечает, что при всей многоголосности Солженицын сохраняет основную нравственную позицию, утверждая способность человека к внутреннему самоопределению, нравственному росту и очищению души» [15, с. 4]. Тем самым лагерная проза рассматривается здесь уже не только как тематическое свидетельство, но и как художественная система, в которой время, пространство и моральный смысл тесно взаимосвязаны. В том же году Чэ Лу в диссертации о «святых» образах у творчества Солженицына отмечает, что писатель «предпочитает изображать тех

человечных заключенных, которые оказались в бесчеловечной лагерной и ссыльной среде, и тех обычных людей, которые упорно творят добро в тяжелых жизненных обстоятельствах» [16, с. 17]. В заключении работы внимание переносится с характеристики этих персонажей на тот нравственный смысл, который заключен в их изображении, и подчеркивается, что писатель, «всматриваясь в трагедии, происходящие в реальности, создает образы святых, стремясь передать основную нравственную ценность выхода из кризиса: стремление к любви и красоте, наиболее необходимым для человеческого существования, и к созданию прекрасного мира, основанного на добре, любви и справедливости» [16, с. 43]. Здесь «святые» образы в творчестве Солженицына осмысляются не как отвлеченные символы, а как носители этического идеала, укорененного в самой трагической реальности.

Отдельного упоминания заслуживает также диссертация Ши Хуэй «Исследование проблемы личности в “лагерной прозе” А.И. Солженицына» (2018). Исследовательница рассматривает проблему личности в широком философском контексте и подчеркивает, что в русской интеллектуальной традиции свобода, нравственность и независимость образуют важнейшие компоненты личностного начала [17]. В приложении этого тезиса к лагерной прозе Солженицына лагерь осмысливается как экстремальное пространство, в котором личность, будучи лишена внешней свободы, обнаруживает возможность внутреннего самоопределения.

В 2019 г. была опубликована статья Фу Синхуаня и Чэнь Шицзэ, в которой роман «В круге первом» рассматривается с точки зрения его пространственной организации. Авторы показывают, что «мир его организован как система трех взаимопроникающих политических пространств – верхнего мира власти, “срединного городского пространства” и лагерного подполья» [18, с. 93]. В статье они подчеркивают, что «роман моделирует мир, в котором система ценностей полностью перевернута, то есть “родаперевернутую Москву”» [18, с. 99]. Благодаря такой постановке вопроса «В круге первом» прочитывается уже не просто как еще один текст о репрессиях, а как художественное исследование деформированного мира, где лагерная тема перерастает в размышление о ценностях, иерархии и нравственном выборе.

Начиная с 2020 г., в китайской русистике становятся заметнее работы, стремящиеся охватить солженицынское наследие в более цельной перспективе. Статья Лю Вэньфэя «Солженицын: жизнь и творчество», опубликованная в журнале «Российские исследования», охватывает широкий круг произведений – от «Одного дня Ивана Денисовича» и «Матрениного двора» до «В круге первом», «Ракового корпуса», «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного колеса». Однако, если не считать «Красного колеса», смысловой центр статьи по-прежнему тесно связан с лагерной линией творчества Солженицына и теми литературными направлениями, которые были ею определены. Особенно показательно, что в заключительной части автор прямо пишет: «Он не только положил начало таким важным течениям в истории русской литературы второй половины XX века, как “лагерная литература”, “деревенская проза” и “нравственная литература”, но и в огромной степени расширил мировое влияние русской литературы этого времени» [19, с. 151]. Отсюда видно, что в новейших китайских исследованиях лагерная проза Солженицына все чаще осмыляется как относительно целостная система творчества, а не только как совокупность разрозненно интерпретируемых отдельных произведений.

Если статья Лю Вэньфэя тяготеет к более общему литературно-историческому охвату, то диссертация Хоу Сюэвэй «Представление о человеческой природе в “лагерной трилогии” Солженицына» переводит разговор в более узкую, но внутренне связанную тематическую плоскость. Автор рассматривает «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» как единое целое

и подчеркивает: «Основное содержание трех произведений сходно: независимо от различий между ними, все они прославляют свет человеческой природы в условиях страдания и одновременно разоблачают зло человеческой природы при тоталитарной власти» [20, с. 1]. В заключении эта мысль получает еще более четкую формулировку: «Подлинной темой творчества Солженицына является именно утверждение добра» [20, с. 2]. На фоне более ранних работ, сосредоточенных прежде всего на политической критике, религиозном сознании или теме страдания, подобное исследование важно тем, что оно собирает солженицынскую лагерную прозу в более цельную конструкцию и переносит центр анализа на проблему человеческой природы, нравственного выбора и соотношения добра и зла.

Таким образом, в китайских исследованиях Солженицына заметно преобладание историко-философской проблематики над вопросами поэтики. Исследователей гораздо больше интересуют политические, религиозные и антропологические аспекты его письма, чем особенности композиции, нарративной техники и жанровой структуры. Вместе с тем именно здесь уже сложилась наиболее устойчивая академическая традиция, представленная как статьями, так и диссертационными исследованиями.

Рецепция лагерной прозы В. Т. Шаламова в китайском литературоведении

В отличие от Солженицына, Шаламов избрал путь предельной объективации, отказа от риторического нажима и почти клинической фиксации того, что происходит с человеком в экстремальных условиях. Его художественный метод строится на предельной сдержанности, доверии к факту и отказе от внешнего морализаторства. В китайском литературоведении интерес к Шаламову возник значительно позже, чем к Солженицыну, и долгое время его имя оставалось на периферии исследовательского внимания. Лишь в начале XXI века, с появлением первых переводов его произведений, китайские ученые начали осознавать уникальное место Шаламова в истории русской лагерной прозы и его значение как художника, сумевшего сказать о невыразимом языком, лишенным всякой риторической избыточности.

Если обращение к Солженицыну в Китае началось уже в 1960-е гг. и к настоящему времени сформировало устойчивую исследовательскую традицию, то в случае Шаламова история переводов складывалась значительно позже и развивалась неравномерно. Существенным этапом стал 2001 г., когда в первом номере журнала «世界文学» («Мировая литература») были опубликованы избранные «Колымские рассказы», а также поэтическая подборка. Судя по тем текстам, которые на сегодняшний день удается надежно сопоставить с оригиналом, в прозаическую подборку входили по меньшей мере «Плотники» («木匠们»), «Апостол Павел» («使徒保罗»), «Сгущенное молоко» («两罐炼乳»), «Заклинатель змей» («弄蛇的法师»), «Марсель Пруст» («马塞尔·普鲁斯特»), «Стланник» («偃松») и «Тропа» («小路»); при этом «Апостол Павел», «Сгущенное молоко» и «Заклинатель змей» были переведены Лю Цзисинем, а остальные тексты – У Цзяю. Поэтическая публикация, выполненная Лю Вэньфэем, включала десять стихотворений, написанных Шаламовым в 1937–1956 гг., и девять стихотворений, созданных в 1957–1981 гг. В 2014 г. в журнале «今日中学生» («Сегодняшний школьник») Лю Вэньфэй опубликовал перевод стихотворения Шаламова «Капля». Тем самым переход от журнальных публикаций избранных рассказов и стихов к более полному книжному изданию 2016 г. создал ту переводческую основу, на которой стало возможным более систематическое академическое изучение Шаламова в Китае.

Переходя к анализу исследовательской литературы, следует прежде всего выделить статью У Цзяю «Шаламов – еще один первооткрыватель лагерной

прозы», опубликованную в журнале «*俄语语言文学研究*» («Исследования русского языка и литературы») в 2004 г. Это одно из первых систематических обращений китайского литературоведения к творчеству Шаламова. У Цзяю подчеркивает документально-сдержанный характер шаламовского письма, его установку на фактичность и отказ от риторического нажима. В качестве итогового вывода исследователь пишет: «Писатель стремится спокойно и объективно, опираясь на факты, излагать все увиденное и пережитое; он даже старается изображать героя беспристрастно и внешне бесстрастно, не навязывая ни герою, ни читателю собственной точки зрения» [21, с. 22].

У Цзяю в статье «Россия: “самое поэтичное дерево” – прочтение шаламовского “Стланика”», опубликованной в журнале «*名作欣赏*» («Шедевры») в 2006 г., обращается к одноименным стихотворению и рассказу, рассматривая их в тесной связи с биографией Шаламова. Исследователь исходит из того, что образ стланика укоренен не только в природной символике Колымы, но и в личном опыте писателя, а потому позволяет увидеть внутреннее единство двух текстов, созданных в разных жанровых формах. В этой связи автор пишет: «Стланик – это его жизненная опора и надежда на его трудном жизненном пути. Через образ стланика поэт и прозаик не только выразили свою веру в жизнь и красоту, но, что ещё важнее, выразили свое понимание страдания и смысла человеческой жизни» [22, с. 31]. Существенным результатом данной статьи является то, что она связывает анализ поэтического и прозаического текстов с биографическим контекстом и тем самым углубляет понимание сквозного значения образа «стланика» в творчестве Шаламова.

Наиболее обстоятельным исследованием Шаламова в Китае остается магистерская диссертация Ли Линъюнь «Своеобразный гуманизм в “Колымских рассказах”». В интерпретации исследовательницы шаламовский гуманизм проявляется прежде всего в отказе от декларативного морализаторства и в предельной концентрации на факте, который сам становится носителем этического смысла [23]. Такая трактовка важна, поскольку позволяет описывать этику Шаламова не через традиционные позитивные формулы, а через минималистскую форму свидетельства.

Наряду с исследованиями, посвященными Солженицыну и Шаламову по отдельности, в Китае встречаются и попытки рассматривать «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы» и их кинематографические интерпретации в одном аналитическом поле. К таким работам относится диссертация Ван Цзы «Исследование образов персонажей в произведениях “гулаговской серии”». В разделе, посвященном исследовательскому фону, автор прямо пишет: «Фильм “Путь домой” и романы “Архипелаг ГУЛАГ” и “Колымские рассказы” в высокой степени сходны по системе персонажей и по сюжетным линиям; при этом фильм заимствует маршрут побега из одноименного романа. В сущности, фильм “Путь домой” создан на основе “Архипелага ГУЛАГ” и “Колымских рассказов”» [24, с. 1]. В заключении эта линия доводится до еще более прямой формулировки: «“Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына и “Колымские рассказы” Шаламова раскрывают перед миром нечеловеческую жизнь в лагерях и смертельную борьбу разных категорий заключенных в экстремальной среде» [24, с. 49]. Поэтому данную работу уместно привлекать как дополнительный материал: она показывает, что в отдельных китайских диссертационных исследованиях уже предпринимались попытки анализировать тексты Солженицына и Шаламова вместе с родственными им кинотекстами в рамках одного исследовательского подхода.

При всех достоинствах названных работ исследования творчества Шаламова в Китае обнаруживают и существенные лакуны. До сих пор отсутствуют

специальные исследования, посвященные нарративной поэтике «Колымских рассказов», их фрагментарной структуре, безличному повествованию, особой «холодной» лиричности и сложному соотношению документа и художественного текста. Не проведено и систематического сопоставления Шаламова с Довлатовым, хотя подобная перспектива представляется весьма продуктивной.

Рецепция лагерной прозы С. Д. Довлатова в китайском литературоведении

Что же касается Довлатова, то его место в русской лагерной прозе определяется прежде всего особой, иронической интонацией и той дистанцией, которая отличает его от предшественников. Как писал Иосиф Бродский, «он замечателен в первую очередь именно отказом от трагической традиции русской литературы, равно как и от ее утешительного пафоса. Тональность его прозы – насмешливо-сдержанная, при всей отчаянности существования, им описываемого» [25, с. 5]. Петр Вайль, в свою очередь, подчеркивает: «Сергей Довлатов – единственный современный русский прозаик, о котором Иосиф Бродский написал отдельное самостоятельное эссе» [26, с. 148]. Сам Вайль далее замечает, что Бродский фактически предсказал литературную судьбу Довлатова: «и десяти лет не понадобилось, чтобы это предсказание сбылось» [26, с. 149].

В китайском литературоведении Довлатов остается наименее изученным из трех авторов, а его имя стало известно китайскому читателю значительно позже, чем имена Солженицына и Шаламова. Переводческая судьба Довлатова в Китае складывалась наиболее трудно. Единственные два перевода его произведений на китайский язык – повести «Чемодан» (2005) и «Наши» (2007) – были выполнены одним и тем же переводчиком Лю Сяньпином и опубликованы издательством «Народная литература». Обе книги имеют небольшой объем и представляют собой скорее введение в творчество писателя, нежели систематическое знакомство с его наследием. Отсутствие переводов центральных произведений Довлатова, включая повесть «Зона», существенно сужает круг потенциальных исследователей и во многом объясняет слабую институционализацию его рецепции в Китае.

Что касается собственно исследовательской литературы, то исследования лагерной прозы Довлатова в Китае в основном сосредоточены в работах Чэн Дяньмэй. В 2008 г. она публикует в журнале «山东外语教学» («Преподавание иностранных языков в Шаньдуне») статью «“Зона” С. Довлатова и русская лагерная проза». Исследовательница рассматривает довлатовское произведение в широком контексте русской лагерной литературы и стремится определить его место по отношению к уже сложившейся традиции. Она подчеркивает, что новизна довлатовского текста связана не только с выбором криминального лагеря и фигурой надзирателя как носителя точки зрения, но и с более глубокой переоценкой самой структуры лагерного мира. В этом смысле особенно показателен ее вывод о том, что Довлатов «нашел третий путь, отличный от традиции лагерной темы, обнаружив сходство между заключёнными и охранниками, а также между лагерем и внешним миром» [1, с. 82]. Продуктивность такой постановки вопроса состоит в том, что она позволяет вывести «Зону» за пределы привычной бинарной модели лагерной прозы.

В следующем году в журнале «解放军外国语学院学报» («Вестник Университета иностранных языков НОАК») выходит статья Чэн Дяньмэй «Иная интерпретация советского ГУЛАГа – анализ повести С. Довлатова “Зона”». В этой работе лагерь рассматривается не только как советская историческая реальность, но и как антропологическая модель, связанная с кризисом современной цивилизации. И в то же время она рассматривает это произведение как текст, принципиально расходящийся с традиционной моделью лагерной литературы. В центре ее

внимания находятся не столько документальность и свидетельский пафос, сколько особенности художественной организации текста и его философская проблематика. В этой работе лагерь рассматривается не только как советская историческая реальность, но и как антропологическая модель, связанная с кризисом современной цивилизации. Характеризуя специфику повести, исследовательница пишет, что «наиболее заметными ее особенностями являются постмодернистская метаповествовательная модель и экзистенциальная тема абсурда» [27, с. 118]. Наиболее ценным в этой работе представляется попытка интерпретировать «Зону» не только как лагерное свидетельство, но и как сложный художественный текст, в котором философская и поэтологическая стороны тесно взаимосвязаны.

Завершающим и наиболее развернутым исследованием творчества Довлатова в Китае стала докторская диссертация Чэн Дяньмэй «Маргинальное письмо изгнанной жизни: исследование прозы Довлатова». В отличие от статей, сосредоточенных преимущественно на «Зоне», эта работа охватывает более широкий круг вопросов – от биографии и причин маргинализации писателя до его повествовательной техники, художественных истоков и системы персонажей [28]. Существенным итогом диссертации становится попытка рассмотреть прозу Довлатова как целостный художественный мир, в котором опыт изгнания и маргинальности определяет не только тематический круг произведений, но и способы повествования, структуру образов и характер авторской позиции. Вместе с тем именно широта поставленной задачи приводит к тому, что лагерная проза Довлатова рассматривается здесь как часть более общего исследовательского замысла и потому не всегда получает столь же детализированный анализ, какого заслуживает сама по себе.

Таким образом, китайское изучение Довлатова по-прежнему опирается на очень ограниченный круг работ и еще не образовало устойчивой академической традиции, сопоставимой с традицией изучения Солженицына. Отсутствие переводов ключевых произведений Довлатова делает эту область знаний труднодоступной для большинства китайских филологов, не владеющих русским языком.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ трех линий рецепции позволяет выявить общие закономерности, характеризующие восприятие русской лагерной прозы в китайском литературоведении. Наиболее очевидная закономерность – это зависимость между переводческой доступностью текстов и объемом посвященных им исследований. История китайской рецепции показывает, что именно степень переводческой освоенности автора во многом определяет возможность его последующего академического освоения. Солженицын, чьи основные произведения были переведены на китайский язык еще в 1960-е гг. и неоднократно переиздавались, располагает самым обширным корпусом научных работ. Шаламов, чьи избранные переводы появились в 2001 г., а полный перевод «Колымских рассказов» – лишь в 2016 г., изучен существенно меньше. Довлатов, чьи переводы ограничиваются двумя небольшими повестями, остается наименее исследованным. Эта корреляция имеет далеко идущие последствия: история изучения русской литературы в Китае не может быть понята без учета истории переводов, без анализа того, какие тексты и в какой момент становились доступными китайскому читателю и исследователю.

Еще существенная закономерность, которую стоит отметить, касается трансформации исследовательских подходов. В начальный период изучения, особенно заметный при анализе творчества Солженицына, доминировала социально-историческая парадигма. Ученые преимущественно фокусировались на

фигуре писателя как на свидетеле и обличителе советского режима, а также как на политическом мыслителе. В результате художественные аспекты, поэтика и нарративные стратегии его произведений долгое время оставались вне основного фокуса научного интереса, и в этой сфере было проведено очень мало работы. Исследования творчества Шаламова все больше фокусируются на гуманистических идеях, лежащих в основе его произведений, а не на самом творческом процессе. В то же время, научный интерес к Довлатову смещается в сторону таких аспектов, как маргинальность, ирония, смешение жанров и постмодернистская игра с ожиданиями читателя. Таким образом, научный анализ постепенно переходит от тематики к поэтике и философии, хотя этот переход еще не завершен.

Примечательно, что масштаб исследований по данной теме в Китае впечатляет. В частности, изучение Солженицына достигло значительного уровня: помимо множества журнальных публикаций, защищено большое количество диссертаций в различных университетах, что указывает на устоявшуюся научную традицию. Однако ситуация с Шаламовым и Довлатовым иная. Исследования Шаламова в Китае пока скудны и находятся на начальной стадии. А изучение лагерной прозы Довлатова, хотя и включает одну докторскую диссертацию, в основном поддерживается усилиями небольшой группы ученых.

Таким образом, за последние сорок лет китайское литературоведение, посвященное русской лагерной прозе, претерпело значительную трансформацию. Исследователи отошли от первоначального фокуса на социально-политических аспектах, развив более сложные и многомерные подходы к анализу. При этом, хотя произведения Солженицына, Шаламова и Довлатова остаются в центре внимания китайских ученых, их популярность и глубина изучения в рамках отечественной науки варьируются. А перспективы будущих исследований сосредоточены в основном на четырех основных направлениях: более глубокое освоение нарративной поэтики «Колымских рассказов» с учетом полностью переведенного на китайский язык текста данного цикла; систематическое сравнительное изучение трех писателей, что поможет понять их индивидуальные художественные подходы и одновременно проанализировать развитие лагерной прозы как независимого жанра; развитие академического общения с международной славистикой и активное применение накопленных в ней исследований в данной области; дальнейшее расширение базы переводов, в первую очередь путем интеграции ключевых произведений Довлатова, включая его повесть «Зона», в китайский литературный и исследовательский контекст. Произведения Солженицына, Шаламова и Довлатова, являющиеся ключевым отражением исторического наследия ГУЛАГа, продолжают вызывать значительный интерес среди китайских читателей и исследователей. Для адекватного восприятия этих текстов требуется не только глубокое осмысление исторических реалий, но и развитая литературоведческая компетенция. Она позволяет выявить многомерные художественные пласты и сложный эстетический контекст, скрытые за кажущейся фактологической сухостью изложения.

Литература / References

1. 程殿梅. 多甫拉托夫的《监狱》和俄罗斯的集中营文学. 山东外语教学. 2008;(6):81-84 (на кит. яз.).

Cheng DM. Dovlatov's The Zone and Russian camp literature. *Shandong Foreign Language Teaching Journal*. 2008;(6):81-84 (in Chinese).

2. Elliott CF. 索尔仁尼琴论现代人和自由 / 向亮译. 当代外国哲学与社会科学文摘. 1985;(11):41-42 (на кит. яз.).

Elliott CF. Solzhenitsyn on modern man and freedom / transl. by Xiang L. *Abstract Materials on Contemporary Foreign Philosophy and Social Sciences*. 1985;(11):41-42 (in Chinese).

3. 周振美. 生存的尊严——评索尔仁尼琴的《伊凡·杰尼索维奇的一天》. 山东大学学报(哲学社会科学版). 2005;(2):74-77 (на кит. яз.).
Zhou ZM. The dignity of existence: on Solzhenitsyn's *One Day in the Life of Ivan Denisovich*. *Journal of Shandong University: Philosophy and Social Sciences*. 2005;(2):74-77 (in Chinese).
4. 李传进. 索尔仁尼琴创作中的农民形象——以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为例. 语文学刊(外语教育教学). 2005;(3):40-42 (на кит. яз.).
Li CJ. The image of the peasant in Solzhenitsyn's works: based on *One Day in the Life of Ivan Denisovich*. *Philological Journal: Foreign Language Education and Teaching*. 2005;(3):40-42 (in Chinese).
5. 李传进. 索尔仁尼琴小说中的人的尊严. 内蒙古农业大学学报(社会科学版). 2007;9(4):291-292 (на кит. яз.).
Li CJ. Human dignity in Solzhenitsyn's novels. *Journal of Inner Mongolia Agricultural University: Social Science Edition*. 2007;9(4):291-292 (in Chinese).
6. 张冬冬. 《伊凡·杰尼索维奇的一天》中的时间. 东南大学学报(哲学社会科学版). 2008;10(增刊):249-250 (на кит. яз.).
Zhang DD. Time in one day in the life of Ivan Denisovich. *Journal of Southeast University: Philosophy and Social Sciences*. 2008;10(Suppl.):249-250 (in Chinese).
7. 李朋. 论索尔仁尼琴作品中的人性——以其劳改营题材作品为例. 硕士学位论文. 重庆: 2009: 38 (на кит. яз.).
Li P. Discourse of the humanity on Solzhenitsyn's works—take his works of literature based on labor reform camp as an example. Master's dissertation. Chongqing: 2009:38 (in Chinese).
8. 李少卿. 索尔仁尼琴的苦难书写. 硕士学位论文. 重庆: 2011: 40 (на кит. яз.).
Li SQ. The suffering writing of Solzhenitsyn. Master's dissertation. Chongqing: 2011:40 (in Chinese).
9. 姜微. 浅析索尔仁尼琴“集中营文学”主人公的软弱情怀. 北方文学. 2012;(1):67-68 (на кит. яз.).
Jiang W. A brief analysis of the weak feelings of the protagonists in Solzhenitsyn's "camp literature". *Northern Literature*. 2012;(1):67-68 (in Chinese).
10. 龙瑜宸. 索尔仁尼琴: 历史语境与文明冲突中的反抗性写作. 博士学位论文. 北京: 2012: 195 (на кит. яз.).
Long YC. Solzhenitsyn: Rebellious Writing in Historical Context and Cultural Conflicts. Doctoral dissertation. Beijing: 2012:195 (in Chinese).
11. 周云芳. 论俄罗斯作家索尔仁尼琴的精神世界及小说创作. 辽宁师范大学学报(社会科学版). 2012;35(2):239-242 (на кит. яз.).
Zhou YF. Study on the Mental World and Works Creation of Russian Writer Isaevich Solzhenutsyn. *Journal of Liaoning Normal University: Social Sciences*. 2012;35(2):239-242 (in Chinese).
12. 刘乐. 索尔仁尼琴的“日记体小说”——以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为例. 青春岁月. 2012;(1):42 (на кит. яз.).
Liu L. Solzhenitsyn's "diary novel": based on "One Day in the Life of Ivan Denisovich". *Youth Years*. 2012;(1):42 (in Chinese).
13. 高麟杰. 论索尔仁尼琴民族观和人性观——以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为例. 硕士学位论文. 长春: 2014:49 (на кит. яз.).
Gao LJ. On Solzhenitsyn's views of nation and human nature: based on "One Day in the Life of Ivan Denisovich". Master's dissertation. Changchun: 2014:49 (in Chinese).
14. 刘珠凤. 论《古拉格群岛》的道德意识. 牡丹江大学学报. 2015;24(7):100-102 (на кит. яз.).
Liu ZF. On moral consciousness in "The Gulag Archipelago". *Journal of Mudanjiang University*. 2015;24(7):100-102 (in Chinese).
15. 任立侠. 论索尔仁尼琴小说的时空观. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版). 2017;(5):1-4 (на кит. яз.).

- Ren LX. The view of time and space in Solzhenitsyn's works. *Journal of Qiqihar University: Philosophy and Social Sciences*. 2017;(5):1-4 (in Chinese).
16. 车路. 索尔仁尼琴小说中圣人形象研究: 硕士学位论文. 海口: 2017:63 (на кит. яз.).
- Che LA. Study of the image of the saint in Solzhenitsyn's novels. Master's dissertation. Haikou: 2017:63 (in Chinese).
17. 石慧. 索尔仁尼琴“集中营文学”中的个性问题研究: 硕士学位论文. 沈阳: 2018:96 (на кит. яз. и рус. яз.).
- Shi H. A study of the problem of individuality in Solzhenitsyn's "camp literature". Master's dissertation. Shenyang: 2018:96 (in Chinese and Russian).
18. 傅星寰, 陈石泽. 《第一圈》中“颠倒的”莫斯科. 俄罗斯文艺. 2019;(2):93-100 (на кит. яз.).
- Fu XH, Chen SZ. The "inverted" Moscow in "In the First Circle". *Russian Literature and Arts*. 2019;(2):93-100 (in Chinese).
19. 刘文飞. 索尔仁尼琴: 生活与创作. 俄罗斯研究. 2020;(4):118-152 (на кит. яз.).
- Liu WF. Solzhenitsyn: life and works. *Russian Studies*. 2020;(4):118-152 (in Chinese).
20. 侯雪薇. “劳改营三部曲”中索尔仁尼琴的人性观: 硕士学位论文. 沈阳: 2020: 78 (на кит. яз.).
- Hou XW. Solzhenitsyn's view of human nature in the "camp trilogy". Master's dissertation. Shenyang: 2020:78 (in Chinese).
21. 吴嘉佑. 沙拉莫夫—一集中营文学的又一拓荒者. 俄语语言文学研究. 2004;(2):20-25 (на кит. яз.).
- Wu JY. Shalamov—a pioneer of the literature of the concentration camp. *Studies of Russian Language and Literature*. 2004;(2):20-25 (in Chinese).
22. 吴嘉佑. 俄罗斯“最富诗意的树”——解读沙拉莫夫的《偃松》. 名作欣赏. 2006;(4):29-31 (на кит. яз.).
- Wu JY. Russia's "most poetic tree": interpreting Shalamov's "Stlanik". *Appreciation of Masterpieces*. 2006;(4):29-31 (in Chinese).
23. 李玲云. 论《科雷马故事集》中别样的人道主义: 硕士学位论文. 上海: 2009: 52 (на кит. яз. и рус. яз.).
- Li LY. On a different kind of humanism in "Kolyma Stories". Master's dissertation. Shanghai: 2009:52 (in Chinese and Russian).
24. 王梓. “古拉格系列”作品的人物形象研究: 硕士学位论文. 西安: 2019: 65 (на кит. яз.).
- Wang ZA. Study on the character image of "Gulag's Series". Master's dissertation. Xi'an: 2019:65 (in Chinese).
25. Бродский И. О Сереже Довлатове. Звезда. 1992;(2):4-8.
- Brodsky I. On Seryozha Dovlatov. Zvezda. 1992;(2):4-8 (in Russ.).
26. Вайль П. Бродский о Довлатове. Звезда. 2000;(8):148-149.
- Weil P. Brodsky on Dovlatov. Zvezda. 2000;(8):148-149 (in Russ.).
27. 程殿梅. 对苏联集中营的另一种阐释——析多甫拉托夫的小说《营区》. 解放军外国语学院学报. 2009;32(4):118-122 (на кит. яз.).
- Cheng DM. Reinterpretation of Russian concentration camp: On Dovlatov's Zone. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 2009;32(4):118-122 (in Chinese).
28. 程殿梅. 流亡人生的边缘书写——多甫拉托夫小说研究: 博士学位论文. 济南: 2010:231 (на кит. яз.).
- Cheng DM. Marginal writing of an exiled life: the study of Dovlatov's novels. Doctor's dissertation. Jinan: 2010:231 (in Chinese).

Сведения об авторе

ЧЖАН СИНЬВЭЙ – аспирант, Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика, <https://orcid.org/0009-0003-7398-3853>, e-mail: 296210454@qq.com

About the author

Zhang XINWEI – postgraduate, Heilongjiang Univerisity, Harbin, the People's Republic of China, <https://orcid.org/0009-0003-7398-3853>, e-mail: 296210454@qq.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 09.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2026

Принята к публикации / Accepted 06.05.2026